

## ГОРЬКИЙ — М. М. ЗОЩЕНКО

Знакомство Горького с Михаилом Михайловичем Зощенко (1895—1958) состоялось в 1921 г.

В заметке «Горький для меня» Зощенко писал о том, что Горький пристально следил за его писательской деятельностью. «Есть мнение,— вспоминал Зощенко,— что Горький, главным образом, всех писателей хвалит и всем говорит разные добрые, приветливые и деликатные слова. Это неверно. В 1922 году, когда я написал действительно неважную повесть, Горький, помню, так выбрапил меня, что я не рискнул даже напечатать эту повесть («Красные и белые» — *Ред.*), за что и посейчас признателен ему (...) И резкая критика Горького и похвала мне были в одинаковой мере ценны и полезны» («Лит. газета», 1931, № 16, от 15 мая).

Ниже публикуется пять писем Горького, четыре письма и одна телеграмма Зощенко. Четыре письма Горького были опубликованы адресатом в «Ленинградской правде», 1937, № 138, от 17 июля. (Статья «Четыре письма Горького»).

См. также приложение к переписке Горький — Федин.

### 1

ЗОЩЕНКО — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград, 26 сентября 1927 г.⟩

Т е л е г р а м м а

Сердечно поздравляю дорогого Алексея Максимовича с 35-летием литературной работы. Горячо целую. З о щ е н к о

### 2

ЗОЩЕНКО — ГОРЬКОМУ

⟨28 сентября 1927 г.⟩

Сердечно поздравляю вас<sup>1</sup>, дорогой и многоуважаемый Алексей Максимович.

Очень желаю вам здоровья и долгой жизни, которая, мне думается, зависит главным образом от воли человека.

Я прочел у Гете замечательную фразу. Когда умер один из его друзей — 70-летний старик Э. — Гете сказал: «Я удивляюсь, как это у людей не хватает храбрости жить дольше».

Стало быть, Гете считал, что для долгой жизни надо только иметь желание и как бы представление, уверенность в том, что жить можно долго и даже сколько угодно.

И теперь всякий раз, читая о долгой жизни какого-нибудь великого старика, я прихожу к мысли, что это именно так и что человек, проживший 60—70 лет, либо просто животное, либо очень мудрый человек, который собственными руками делал свою жизнь, управлял собой и регулировал свой организм, как, скажем, рабочий регулирует свой станок.

Я хотел вас спросить, как вы думаете,— верно ли это? Верно ли, что люди сами, собственными руками, делают себе долгую жизнь. Верно ли,

что люди часто создают себе философию (как, например, Л. Толстой), которая не идет в разрез ни с собственными силами, ни с возможностью жить долго.

Или я заблуждаюсь. И люди живут как придется, по временам советуясь с врачами о своих недомоганиях и кушая пилюли, которые поддерживают жизнь. Мне все же кажется, что это не так.

Я не хотел бы вас затруднять ответом, дорогой Алексей Максимович. Но, если когда-нибудь на досуге у вас будет охота (хоть через год), — ответьте мне хотя бы коротеньким письмом. Мне очень важно это обстоятельство.

Еще раз поздравляю вас и благодарю вас за все, что вы (иной раз, может быть, и случайно) сделали для меня.

Извините, что пишу карандашом. Я по дороге в Ленинград застрял в одном маленьком городке, где не могу найти даже чернил. Ответ ваш я буду ждать, но только пусть это будет не обязательно и только в том случае, если найдется совершенно свободное время и желание.

Я всегда боюсь вам писать, — неохота отнимать у вас времени. И всегда побаиваюсь, как бы вы не ответили просто по деликатности. До свиданья, Алексей Максимович. Будьте здоровы.

Мих. Зо щ ен ко

28 сент(ября)

Ленинград, ул. Чайковского, 75.

<sup>1</sup> Письмо было послано в связи с 35-летием литературно-общественной деятельности Горького, которое отмечалось 25 сентября 1927 г.

3

ГОРЬКИЙ — ЗОЩЕНКО

(Москва. Октябрь 1927 г.)

Спасибо, М(ихаил) М(ихайлович), за поздравление и за интересное письмо.

Вопросы ваши: «Верно ли, что люди собственными руками делают себе долгую жизнь» и «Верно ли, что люди часто создают себе философию — как, напр(имер), Л. Толстой — которая не идет в разрез с их собственными силами», — вопросы эти можно понять как шутку, но можно отнести к ним и серьезно. Я предпочитаю второе.

Не думаю, чтоб та или иная степень напряжения воли к жизни могла продлить срок нашего пребывания на земле. Впрочем — это вопрос биологический, и все зависит от того, насколько здорова, насколько гармонично работает наша нервная система.

Я не думаю, что философия Толстого гармонировала с силою его таланта. Мне кажется, что она резко противоречила таланту — не только в книжке об искусстве<sup>1</sup>, но и всюду, вся целиком, философия у него была от ума, а талант сидел в мозгу костей его. Ум Л(ьва) Н(иколаевича), на мой взгляд, был не велик — сравнительно с талантом — суетлив и назойлив. Этим я хочу сказать: не философский ум. И талант весьма страдал от притязаний ума на равенство с ним<sup>2</sup>.

Шопенгауэр — пессимист...

Печатается по черновому автографу из личного архива Горького. Было ли письмо послано, установить не удалось. Датруется по письму № 2.

<sup>1</sup> Л. Н. Толстой «Что такое искусство?» Отзыв Горького об этой книге см. в его письме к И. В. Львову от 24 февраля 1928 г. (т. 30, № 904).

<sup>2</sup> Подобные соображения изложены Горьким также в письме к С. Цвейгу от 16 мая 1928 г. (т. 30 № 923) и в очерке «О С. А. Толстой» (т. 14).

〈Сорренто, 16 сентября 1930 г.〉

Дорогой Михаил Михайлович!

Вместе с этим письмом послал почтительное прошение Жакту<sup>1</sup> и так убедительно написал ему, что — уверен: он, Жакт, прошение мое удовлетворит и комнату за техником оставит.



М. М. ЗОЩЕНКО и Ю. К. ОЛЕША

Фотография. Снимок сделан 7 мая 1939 г. на тепलोходе, на котором, в составе писательской делегации, Зощенко и Олеша направлялись в Каиев для участия в праздновании 125-летия со дня рождения Шевченко

Собрание Э. Ф. Ципельсона, Москва

Между нами: это — что такое Жакт? Жилтоварищество особой формы? На всякий случай пишу его с большой буквы. Вы, пожалуйста, известите меня о том, как Он с вами поступит.

Рад узнать, что вы написали большую вещь<sup>2</sup>. С нетерпением буду ждать вашу книгу. Недавно — недель 6 тому назад — получил четыре тома ваших рассказов<sup>3</sup> — исподволь прочитал их и часто читаю вслух, — вечерами, после обеда — своей семье и гостям. Отличный язык выработали вы, М(ихаил) М(ихайлович), и замечательно легко владеете им. И юмор у вас очень «свой». Я высоко ценю вашу работу, поверьте: это — не комплимент. Ценю и уверен, что вы напишете весьма крупные вещи. Данные сатирика у вас — налицо, чувство иронии очень острое и лирика сопровождает его крайне оригинально. Такого соотношения иронии и лирики я не знаю в литературе ни у кого, лишь изредка удавалось это Питеру Альтенберг<sup>4</sup>, австрийцу, о котором Р. М. Рильке<sup>5</sup> сказал: «он иронизирует, как влюбленный в некрасивую женщину».

Почему бы вам не съездить за границу, напр<имер>, сюда, в Италию? Пожили бы здесь, отдохнули. Мне кажется, что это было бы весьма полезно вам. Груздев прислал мне вашу книжку «Сирень цветет»<sup>6</sup>, — славное издание, но рисунки не очень понравились мне, они идут как бы мимо текста, слишком слабо задевая его скрытую значительность.

Сердечно желаю вам всего доброго и бодрости духа.

А. Пешков

16.IX.30. Sorrento.

<sup>1</sup> В письме от 8 сентября 1930 г. Зощенко просил Горького написать письмо в ЖАКТ им. Горького, чтобы «не вселяли чужих людей, а оставили бы того техника, который второй год проживает в моей квартире» (АГ).

<sup>2</sup> В том же письме Зощенко писал: «Сейчас закончил большую повесть, которую выпускаю отдельной книжкой с фотографиями героев. Это воспоминание о М. П. Снягине. Этого человека я выдумал, но он будет как живой и настоящий». См. М. Зощенко. М. П. Снягиня (Воспоминания о Мишеле Снягине). — «Новый мир», 1930, № 12. В 1931 г. повесть вышла отдельным изданием в «Изд-ве писателей в Ленинграде».

<sup>3</sup> М. Зощенко. Собрание сочинений, тт. I—VI. Л., «Прибой», 1929—1931.

<sup>4</sup> Петер *Альтенберг* (псевдоним Рихарда *Энглендера*, 1859—1919) — австрийский писатель-импрессионист, мастер миниатюрной новеллы.

<sup>5</sup> Райнер Мария *Рильке* (1875—1926) — немецкий поэт и прозаик.

<sup>6</sup> М. Зощенко. Сирень цветет. Рисунки В. Конашевича. Л., «Изд-во писателей в Ленинграде», 1930.

5

ЗОЩЕНКО — ГОРЬКОМУ

(Ленинград, 30 сентября 1930 г.)

Дорогой и многоуважаемый

Алексей Максимович,

я больше не буду надоедать вам своими письмами, мне только хочется ответить на ваше письмо, еще раз поблагодарить вас за внимание и рассказать о том деле, в которое я имел бесстыдство втянуть вас.

Весь этот месяц я просто не находил себе покоя и ругал себя за то, что написал вам. Я бы никогда этого не сделал и не стал бы затруднять просьбами, но все сложилось как-то помимо моей воли. По правде сказать, мне было даже все равно — кто будет жить в моей квартире и сколько человек. Я уже с этим примирился и успокоился. Но тут жена проревела несколько дней, этот злополучный техник забросал меня письмами — как это я упустил его комнату, и домоуправление наговорило мне разных вещей. Поверьте, Ал<ексей> М<аксимович>, я не упоминал даже вашего имени и не хвалился знакомством с вами, я даже ничего не просил, но просто в удрученном состоянии написал то первое письмо, на которое вы так любезно и внимательно откликнулись.

Мне приятно вам сказать, что теперь, когда ЖАКТ вашего имени получил ваше письмо и пошел мне навстречу, — я ничем не воспользовался и попросил все оставить так, как есть, и даже оставить тех людей, которых мне вселили за это время.

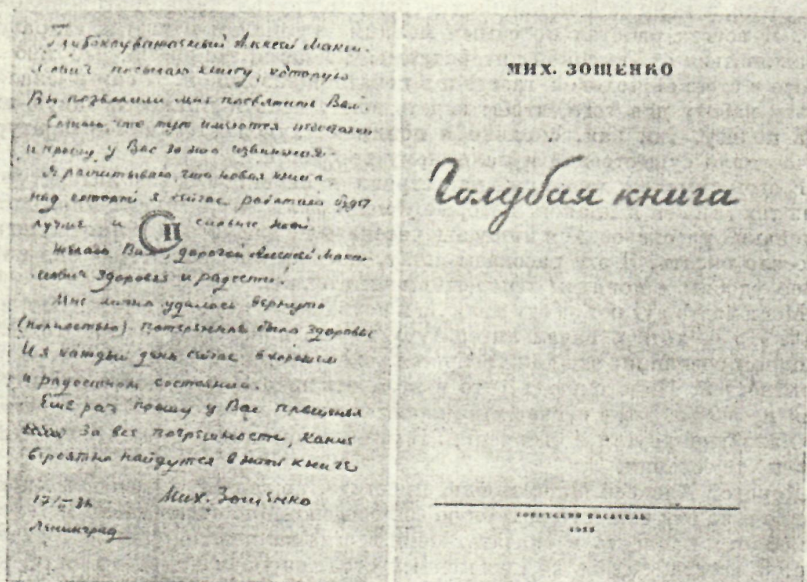
Алексей Максимович, я знал, конечно, всю силу вашего имени, но я попросту не предвидел того эффекта, который произойдет. И это, пожалуй, всего более меня удручило и переконфузило.

Секретарь ЖАКТа (ЖАКТ — это жилищно-кооперативное товарищество) прибежал ко мне, бледный и взволнованный, и стал что-то такое лепетать и говорить, что все будет сделано и ЖАКТ рад исполнить вашу небольшую просьбу. Секретарь не дал даже мне прочесть вашего письма, сказав, что там имеются обо мне некоторые лестные фразы и что я могу от этого загордиться. Все домоуправление было страшно взволновано.

Начали говорить, что будто бы вы собираетесь летом приехать в гости. И чуть ли не хотите жить в том доме, в котором вы когда-то жили (бывш. Сергиевская, 83) <sup>1</sup>.

Но я, повторяю, Алексей Максимович, я ничем не воспользовался и впредь обещаю не стричь купонов с вашего письма.

Вместе с тем позвольте вам сказать, что я не хотел бы иметь и четверти вашей легендарной славы — настолько это ответственно и настолько это заставляет быть хорошим человеком!



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ М. М. ЗОЩЕНКО НА КНИГЕ РАССКАЗОВ  
«ГОЛУБАЯ КНИГА», ПОСВЯЩЕННОЙ ГОРЬКОМУ (М., 1935):

«Глубокоуважаемый Алексей Максимович, посылаю книгу, которую вы позволили мне посвящать вам. Сознаю, что тут имеются недостатки, и прошу у вас за это извинения. Я рассчитываю, что новая книга, над которой я сейчас работаю, будет лучше и сильнее этой. Желаю вам, дорогой Алексей Максимович, здоровья и радости! Мне лично удалось вернуть (полностью) потерянное было здоровье, и я каждый день сейчас в хорошем и радостном состоянии. Еще раз прошу у вас прощения за все погрешности, какие, вероятно, найдутся в этой книге. Мих. Зощенко. 17/II 36. Ленинград»

Личная библиотека Горького

Я бы не хотел, чтобы вы имели обо мне ложное представление. Мебель и квартира никогда еще не играли никакой роли в моей жизни. Я живу в той же обстановке, как и в 19 году. И сплю на той же кровати, на которой спал до того, как сделаться писателем. Правда, я больной, и тишина мне другой раз просто необходима, но, пожалуй, и к этому можно привыкнуть.

Я нарочно, для собственного успокоения, прочел недавно чуть ли не все биографии сколько-нибудь известных и знаменитых писателей. Я, конечно, не хочу равняться ни с кем, но вот ихняя жизнь на меня очень успокоительно подействовала и привела в порядок. В сущности говоря, страшно плохо все жили. Например, Сервантесу отрубили руку. А потом он ходил по деревням и собирал налоги. И, чтобы напечатать своего «Дон-Кихота», ему пришлось сделать льстивое посвящение какому-то герцогу. Дайте выгнать из страны, и он влачил жалкую жизнь. Вольтеру сожгли дом. Я уж не говорю о других, более мелких, писателях.

<sup>1</sup> Литературное наследство, т. 70

И, тем не менее, они писали замечательные и даже удивительные вещи и не слишком жаловались на свою судьбу. Так что, если бы писатели дожидались золотого века, то, пожалуй, от всей литературы ничего бы и не осталось.

Вот это привело меня в порядок, и я понял, что надо работать при всех обстоятельствах и вопреки всему. И в этом смысле, обратившись к вам, я пошел на большой компромисс, за что и не устаю себя бранить.

Это не есть рассуждения человека, который углубился в свою «художественную литературу» и больше ничего не видит и ничего не понимает. Напротив, у меня задачи как бы совершенно другие, даже противоположные. Я всегда работал по самым мелким журналам и всегда старался удерживаться от «высокой литературы». Сейчас я, например, работаю на заводе в стенной цеховой газете и в печатной заводской. Я сам вызвался на эту работу для того, чтобы видеть всю жизнь и принести какую-нибудь пользу, так как, сколько я понимаю, художественная литература сейчас мало существенна и мало кому требуется.

В этом смысле я давно уже перестроил и перекроил свою литературу. И из тех мыслей и планов, которые у меня были, я настругал множество маленьких рассказов. И я пишу эти рассказы не для того, что мне их легко и весело писать. Я эти рассказы пишу, так как мне кажется — они наиболее удобны и понятны теперешним читателям.

Меня часто ругают за эту мелкую и неуважаемую форму, которую я избрал. Но я, хотя и начал литературу иначе, пошел все же на это дело в полном сознании, что так требуется, ожидая при этом всяких себе неприятностей. Надо сказать, что в этом отношении я кое-чего достиг, и меня не всегда даже сейчас упоминают в числе писателей. Я говорю это без малейшей грусти и огорчения. В этом отношении я просто, вероятно, лишен тщеславия.

Дорогой Алексей Максимович, простите, пожалуйста, меня за многословие и за эту всю литературную философию. Мне очень давно хотелось вам об этом написать и сказать. Меня всегда волновало одно обстоятельство. Я всегда, садясь за письменный стол, ощущал какую-то вину, какую-то, если так можно сказать, литературную вину. Я вспоминаю прекрасную литературу. Наши поэты писали стихи о цветках и птичках, а наряду с этим ходили дикие, неграмотные и даже страшные люди. И тут что-то такое страшно запущено.

И все это заставило меня заново перекраивать работу и пренебречь почтенным и удобным положением.

Возможно, что я ошибаюсь и уже ошибся. Возможно, что, и скорей всего, весь мой опыт ни к чему. И не меланхолия и болезни приводят меня в уныние, а вот только это обстоятельство.

Я написал вам это письмо не для того, чтобы вы хорошо обо мне подумали или не думали бы: вот живет какой-то сукиный сын, который заботится о своей квартирке. Нет, это совершенно не так. Я давно хотел вам написать. И не для того, чтобы «затеять» переписку. Напротив, я искренно прошу вас не думать более обо мне и не вспоминать о той злополучной истории, в которую я так просто, бесстыдно вас втянул. И «моральной поддержки» для моей работы мне тоже не нужно. Тут очень личное ощущение. И уверенность бывает только внутренняя. А этой уверенности у меня маловато.

Сердечно любящий вас

Мих. Зо щ ен ко

30 сент(ября) 30 г.

Алексей Максимович, я вас действительно сердечно и искренно люблю и не за то, что вы внимательно ко мне отнеслись — несколько часов писали и думали обо мне. А за то, что вы имеете правильное отношение,

правильную что ли пропорцию своего отношения к людям, чего у меня никогда не получается. Я получаю кучу писем от читателей. Я начал было подражать вам, отвечая почти на каждое письмо, — но я делал это через силу, и мне это не доставило ни радости, ни удовлетворения. Я вот выпустил, может быть вы знаете, книжку «Письма к писателю»<sup>2</sup>. Но эту книжку мне сейчас просто неловко взять в руки, до того я неуклюже и неискренне отнесся к читателям. Еще раз простите за многословие.

Мих. Зо щ ен ко

<sup>1</sup> Зо щ ен ко имеет в виду дом № 83 по ул. Чайковского (быв. Сергиевская). В этом доме, в квартире родственников М. Ф. Андреевой не раз останавливался Горький в 1904 г., приезжая из Риги.

<sup>2</sup> Мих. Зо щ ен ко. Письма к писателю. Л., «Изд-во писателей в Ленинграде», 1929.

6

ГОРЬКИЙ — ЗОЩЕНКО

⟨Сорренто. 13 октября 1930 г.⟩

Дорогой Михаил Михайлович —

письмо ваше весьма смутило меня, вызвав такое впечатление, как будто я оказал вам услугу «медвежьей», внес в жизнь вашу излишнюю сумятицу. Это — возможно, у меня бывает так, что я отворяю дверь в чужую жизнь с большим треском и довольно бестолково, что можно объяснить некоторой грубостью, присущей натуре моей, а также и торопливостью, с коей вообще я живу. Возраст у меня — «гробовой», как сказано у Леонова, в его «Сотн», — кстати: отличной книге, — и возрастом объясняется торопливость мыслей, действий. Вы — извините мне, что я нашумел, а в «Жилкоп» чай пить я приду, как обещал ему.

Поверьте мне: когда я писал вам — у меня не было и тени желаниа оказать вам «моральную поддержку», как вы подозреваете, право же не было! Было только желание устранить «внешние помехи».

Против вашей оценки «Писем к читателю»<sup>1</sup> я — спорю. Это — хорошая книга, такие возможны только у нас и в наше время, когда писатель становится — как нигде и никогда — настоящим и близким человеком читателю. И хотя весьма часто это — процесс погружения в чепуху, в сорьё быта, но — на мой взгляд — это все же интереснейший процесс плотного сближения с жизнью сего дня.

Если разрешите сказать — скажу, что в «Письмах» вы не пользовались всею силой вашего юмора и это — ее недостаток. А юмор ваш я ценю высоко, своеобразие его для меня — да и для множества грамотных людей — бесспорно, так же, как бесспорна и его «социальная педагогика». И глубоко уверен, что, возрастая, все развиваясь, это качество вашего таланта даст вам силу создать какую-то весьма крупную и оригинальнейшую книгу. Я думаю, что для этого вам очень немного надо, только — переменить тему. По-моему, вы уже и теперь могли бы пестрым бисером вашего лексикона изобразить — вышить — что-то вроде юмористической «Истории культуры». Это я говорю совершенно убежденно и серьезно.

Ну — ладно! Кажется, я снова вламываюсь не в свое дело.)

Крепко жму вашу руку, желаю всего доброго, будьте здоровы!

А. Пешков

13.X.30.

<sup>1</sup> Горький имеет в виду книгу М. Зо щ ен ко «Письма к писателю». См. письмо 5, прим. 2.

## ЗОЩЕНКО — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград. 27 октября 1930 г.〉

Дорогой и многоуважаемый  
Алексей Максимович.

Наверное вы меня не так поняли. Или, может быть, я как-нибудь неуклюже выразился.

Не «медвежью поддержку» вы мне сделали. Я прямо даже растерялся, когда прочел об этом. Нет! Кроме самой настоящей радости, я ничего плохого не получил от вашего письма.

Я как-нибудь неуклюже написал вам. Я написал, что поторопился к вам обратиться и браню себя за это — в том смысле, что мне стыдно было вас тревожить, стыдно было вообще просить и тем более просить вас.

Тут очень сложные ощущения. Я, например, очень давно хотел вам написать письмо, но не писал, боялся с дустяками обращаться. И вдруг неожиданно для себя сунулся с какой-то дрянью, с квартирными делами. Вот в чем суть. Вот отчего я был недоволен собой. Но не вами и вашей помощью. Поверьте, Алексей Максимович, вы, пожалуй, единственный человек, которого я по-настоящему люблю. От этого-то я и проявил такое беспокойство и суету.

Я не воспользовался вашей поддержкой, но я не воспользовался, как бы сказать, материально, то есть я оставил тех людей, которые были уже ко мне вселены. Но внутренне для меня и для моих отношений с ЖАКТОМ — конечно, ваше письмо сделало чрезвычайно много — больше чем я думал и хотел.

Дорогой Алексей Максимович, вероятно, какие-то вещи вам непонятны. Вероятно, вам не понять, какую радость испытывает человек, когда получает ваше письмо, или когда вы пишете о нем другим людям. Это не тщеславие. Но этим как-то вырастаешь в своих глазах.

Так что все это настолько непохоже на «медвежью услугу», что я просто даже не умею выразить свои мысли.

Я, к сожалению, не в силах вам сделать что-нибудь хорошее. Ну, я хотел посвятить вам свою последнюю повесть<sup>1</sup>. Но в последний момент у меня не хватило духу. Может, вам это было бы неприятно, — я подумал. Тем более у меня не было уверенности в своей работе. Я хорошо задумал эту повесть. Но написал ее с некоторой что ли усталостью. Я пришла вам ее, как только она выйдет. Без уверенности.

До свидания, Алексей Максимович. Меня в ЖАКТе очень просили передать вам поклон, если я буду вам писать.

Будьте здоровы. Я охотно отдал бы вам свои 7—8 лет, которые мне надлежит прожить. Я не уверен, что я их хорошо проживу или проживу так, как следует.

Мне говорили, что после 30 лет (к 40 годам) очень легко и просто жить. Мне 35 лет. И я этого не нахожу. Будьте здоровы, Алексей Максимович.

Мих. Зощенко

27/X.

Простите еще раз за мою суетливость и за то беспокойство, которое я вам доставил.

<sup>1</sup> М. Зощенко. Возвращенная молодость. Л., «Изд-во писателей в Ленинграде», 1933.



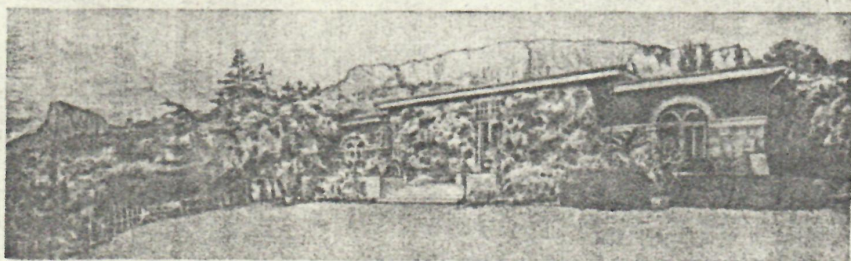
8

## ГОРЬКИЙ — ЗОЩЕНКО

〈Сорренто. 8 ноября 1930 г.〉

Уверяю вас, дорогой Михаил Михайлович, что вы не внесли в мою жизнь отшельника ни малейшего беспокойства! Я был рад получить весточку от вас, потому что вы «интересный» человек, талантливый писатель и мне приятно, что я вас знаю, что вы — есть. Я был бы рад сделать что-либо приятное или полезное вам, и если это мне не удалось теперь, м〈ожет〉 б〈ыть〉, удастся когда-нибудь в будущем. Вот как расщедрился я на глагол быть, а — не люблю глагол этот, за его неблагозвучие.

Намерением вашим посвятить мне повесть — очень сконфужен и тронут. Спасибо. Повесть очень жду. Я люблю читать ваши вещи. То, что вы



ДОМ ГОРЬКОГО В ТЕССЕЛИ

Рисунок карандашом А. Д. Корина, 1936 г.

Здесь Горький жил в 1932—1936 гг.

Музей Горького, Москва

не исполнили намерения посвятить мне повесть, — никак не должно смущать вас, ведь дело не в том, чтоб засвидетельствовать в печати ваше дружеское отношение ко мне, а в том, что оно — есть!

Крепко жму руку вашу. Доброго здоровья!

А. Пешков

8.XI.30.

Р. С. Некоторые здешние люди находят, что я неплохо читаю ваши бытовые миниатюры.

9

## ЗОЩЕНКО — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград. Январь 1934 г.〉

М. Горькому

Дорогой Алексей Максимович!

Два года назад в своем письме вы посоветовали мне написать смешную и сатирическую книгу — историю человеческой жизни.

Вы писали:

«По-моему, вы и теперь могли бы пестрым бисером вашего лексикона изобразить — вышить что-то вроде юмористической «Истории культуры». Это я говорю совершенно убежденно и серьезно...»<sup>1</sup>

Я могу сейчас признаться, Алексей Максимович, что я весьма недоверчиво отнесся к вашей теме. Мне казалось, что вы предлагаете мне

написать какую-нибудь юмористическую книжку, подобную тем, какие уже бывали у нас в литературе, например, «Путешествие сатириковцев по Европе»<sup>2</sup> или что-нибудь вроде этого.

Однако, работая нынче над книгой рассказов и желая соединить эти рассказы в одно целое (что мне удалось сделать при помощи истории), я неожиданно натолкнулся на ту же самую тему, что вы мне предложили. И тогда, вспомнив ваши слова, я с уверенностью принялся за работу.

Нет, у меня не хватило бы сил и умения взять вашу тему в полной своей мере. Я написал не Историю культуры, а, может быть, всего лишь краткую историю человеческих отношений.

Позвольте же, глубокоуважаемый Алексей Максимович, посвятить вам этот мой слабый, но усердный труд, эту мою «Голубую книгу»<sup>3</sup>, которую вы так удивительно предвидели и которую мне было тем более легко и радостно писать, сознавая, что вы будете ее читателем.

Сердечно любящий вас

Мих. З о щ е н к о

Январь, 1934 г. Ленинград.

<sup>1</sup> См. письмо 6.

<sup>2</sup> Аркадий Аверченко. Экспедиция в Западную Европу сатириковцев: Южакшина, Сандерса, Мифасова, Крысакова. Пг., «Новый Сатирикон», 1915.

<sup>3</sup> Мих. Зощенко. Голубая книга. М.—Л., «Советский писатель», 1935.

Настоящее письмо Зощенко было напечатано в этом издании в виде посвящения Горькому.

(Тессели, 25 марта 1936 г.)

Дорогой Михаил Михайлович —

вчера прочитал я «Голубую книгу». Compliments мои едва ли интересны для вас и нужны вам, но все же кратко скажу: в этой работе своеобразный талант ваш обнаружен еще более уверенно и светло, чем в прежних.

Оригинальность книги, вероятно, не сразу будет оценена так высоко, как она заслуживает, но это не должно смущать вас.

Вы уже почти безукоризненно овладели вашей «манерой» писать, но, кажется мне, иногда не совсем правильно отбираете материал, т. е. оперируете фактами не достаточно типичными.

Эх, Михаил Михайлович, как хорошо было бы если б вы дали в такой же форме книгу на тему о страдании! Никогда и никто еще не решался осмеять страдание, которое для множества людей было и остается любимой их профессией. Никогда еще и ни у кого страдание не возбуждало чувства брезгливости. Освященное религией «страдающего бога», оно играло в истории роль «первой скрипки», «лейтмотива», основной мелодии жизни. Разумеется — оно вызывалось вполне реальными причинами социологического характера, это — так!

Но в то время, когда «просто люди» боролись против его засилья хотя бы тем, что заставляли страдать друг друга, тем, что бежали от него в пустыни, в монастыри, в «чужие края» и т. д., литераторы — прозаики и стихотворцы — фиксировали, углубляли, расширяли его «универсализм», невзирая на то, что даже самому страдающему богу страдание опротивело и он взмолился: «Отче, пронеси мимо меня чашу сия!»

Страдание — позор мира, и надобно его ненавидеть для того, чтоб истребить.

У скопцов есть песня, в которой содержатся такие слова:

Преподана диаволом Адаму наука  
Дабы мати родила мя во грехах и муках

Но вот в наши дни роды становятся безболезненными, благодаря заботам науки о человеке.

С этого противопоставления и начать бы книгу об истреблении страдания и указать бы, что литераторы как будто до пресыщения читались церковной агнографической литературы о великомучениках, якобы угодных богу. Указать бы, что и «революционный» поэт Маяковский кричал:

Я — где боль, везде;  
На каждой капле слезовой течи  
Распял себя на кресте...<sup>1</sup>

еще кричал:

Поэт всегда должник вселенной,  
Платящий на горе проценты и пени...<sup>2</sup>

Из церкви идея неизбежности и спасительности страдания вошла в искусство как основная его тема, и, фиксируя страдание, искусство слова снизилось до раздачи словесной милостины, возбуждая в людях кокетство и хвастовство пережитыми муками, а поэты и прозаики, «придавая себе тощий вид, ради людских похвал и суетной славы», гордились и чванились своей ролью сеятелей добреньких и красивеньких словечек<sup>3</sup>.

Высмеять профессиональных страдальцев — вот хорошее дело, дорогой Михаил Михайлович, высмеять человека, который, обнимая любимую женщину и укулов палец булавкой, уничтожает болью укула любовь свою, человека, который восхищался могучей красотой Кавказа до поры, пока не запнулся за камень на дороге, ушиб большой палец на ноге и — проклял «уродливое нагромождение чудовищных камней», — высмеять всех, кого идиотские мелочи и неудобства личной жизни настраивают враждебно к миру.

Вы можете сделать это, вы отлично сделали бы эту работу. Мне кажется, что вы для нее и созданы, к ней и — осторожно — идете. Слишком осторожно, пожалуй!

Искренно рад узнать, что здоровье ваше в добром порядке, а то, знаете, тревожно было слышать от товарищей, что вы неважно чувствуете себя.

Ну и — будьте здоровы на долгие годы. Не пора ли, однако, поехать вам куда-либо отдохнуть?

Крепко жму руку.  
Ваш А. Пешков

25. III. 36. Тессели.

<sup>1</sup> Из поэмы «Облако в штанах».

<sup>2</sup> Из стихотворения «Разговор с фининспектором в поэзии».

<sup>3</sup> Те же мысли высказал Горький в незавершенной статье 1935 г. «Нечто об эпосе и прочем» («Архив А. М. Горького», т. III, М., Гослитиздат, 1951, стр. 247—249).